

Я ЗДЕСЬ...

Тори Ру
Я здесь...

«Литнет»

2025

Ру Т.

Я здесь... / Т. Ру — «Литнет», 2025

Для родственных душ нет понятия расстояния и времени... Родственные души понимают друг друга без слов... Этот мир настолько огромен, а мы в нём насколько малы и разрозненны, что случайная встреча двух до боли родственных душ — это подарок свыше... Я не верю в эти сказки и ни за кем не признаю права на ошибки. Но где-то в мире есть человек, прошедший когда-то теми же дворами и тропами, и мы с ним продолжаем делить одно время, одно небо, одну Землю и одно Солнце. А это значит, что все хорошо.

© Ру Т., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	18
Глава 10	19
Глава 11	22
Глава 12	24
Глава 13	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пролог

Значит, кто-то там знает
Значит, кто-то там верит
Значит, кто-то там помнит
Значит, кто-то там любит...*

Я часто вспоминаю время, которое выпало на нашу юность.

Время страшных терактов, катастроф, войн, стихийных бедствий и потрясений, тяжким фоном, липким страхом, ужасающей картинкой из телевизора сопровождавших ежедневный быт каждого из нас.

Время безденежья, бездорожья и беспросвета, неподъемным грузом свалившееся на плечи тогда еще молодых родителей.

Время классной музыки, тусовок, сносящей крышу первой любви, веселых и преданных друзей, многим из которых не суждено было стать старше.

Время учебы и огромных планов, так и не воплотившихся в жизнь.

Время заблуждений и фатальных ошибок.

Юность. Время, которое незаметно ушло от нас к другим.

* Е. Летов «Про мишутку»

Глава 1

Эй, дорогой друг, а где сейчас находишься и чем занимаешься ты?

Лично я сижу на старом захламленном балконе незнакомой шумной вписки, и жаркая августовская ночь шепчет мне загадочные сказки на ушко. На дворе год две тысячи третий от Рождества Христова, если, конечно, ты в него веришь, а от моего дня рождения прошло целых семнадцать с половиной лет.

Из-за стеклянной двери, которую я подпираю спиной, доносятся звуки пьяной тусовки: веселые неформалы — молодежь всех форм и расцветок — глушит черный вонючий портвейн и срывает голоса под едва ли строящую гитару в руках какого-то музыканта-самоучки.

Это лето было тяжелым, как каторга: школьные выпускные экзамены и вступительные — в универ — выжали из меня все силы.

Теперь ад позади: школа закончена, и новоявленный студент юридического факультета, то бишь я, наконец-то может позволить себе отдохнуть. Чуть ли не впервые за три месяца.

Сегодняшний день был поганым во всех отношениях.

Сегодня я чуть не убила человека.

Произошло следующее: в нашу квартиру полдня ломился мамин бывший «бойфренд» дядя Вася, по причине разрыва отношений с ней находящийся в невменяемом состоянии, и наотрез отказывался понимать русский язык. И остановить его смог лишь черенок от швабры, который я переломила об его голову...

Руки до сих пор дрожат. К счастью, он довольно быстро пришел в сознание и даже извинился перед тем, как нас оставить, но мама вместо благодарностей обрушилась на меня со скандалом.

Да, дерьмовый день.

Она спустила на меня всех собак и за раненого дядю Васю, и за мой трудный характер, и за нашу тяжелую жизнь.

Потом она уехала в Первопрестольную за товаром для палатки на вещевом рынке, ассортимент которой составляют недорогие, но модные женские вещи. В твоём времени их гордо назвали бы «репликами», но мы-то знаем правду...

Под это дело ко мне заявила двоюродная сестра Светка.

Кузина моя, такая же как и я — длинная и тощая, только ей уже девятнадцать лет, и в этом году она перешла на третий курс медицинского колледжа. В учении Светка не особо прилежна, зато отрываться любит и умеет — приехала после школы в наш город из сельской местности и пустилась во все тяжкие.

Она тусуется с местными неформалами, и они величают ее Баунти. Небезосновательно, если честно. Я хожу с ней из скуки и ради компании, но ко мне ни одно из погонял так и не пристало. Я — Лика, просто Лика.

Глава 2

Когда кузина ввалилась в мою прихожую, я чуть в обморок не упала от изумления — она откромсала светлые волосы почти под ежик.

— Све-е-е-етка. — Мне только и осталось ошарашенно выдохнуть.

— Чего «Светка»? Надоело все к хренам, вот и оттяпала! Пожрать есть?

«Пожрать» мама приготовила на два дня вперед и только для меня одной, но для Светки мне ничего не жалко. Провела гостью на кухню, разогрела суп, и она, пожирая его и чавкая, вдруг выдала:

— Сегодня туса у Дарка. Айда со мной!

— У кого?! Нет! Я никуда не пойду! — Я честно пыталась откреститься от этой затеи. Несколько раз мне доводилось бывать на незнакомых тусовках, но все заканчивалось тем, что я мирно засыпала где-нибудь в уголке, либо устраивала грандиозный скандал, сцепившись с очередным навязчивым и не понимающим отказов кавалером.

— Пойдем! Дарк клевый, он против не будет!.. — Она драматично возвела очи к потолку.

— Если честно, мне твой совет нужен. Я запала на одного чувака. Пропала я, Лик...

Ну, это вполне в духе Светки. Мимолетными влюбленностями она постоянно трахает мой неприспособленный к подобному мозг.

— Так у тебя же парень есть!

— Есть. Но этот — такой, что с ума сойти можно. Может, я даже на новые отношения решусь? Ликусь, ну пойдем, ну пожа-а-алуиста...

Какие могут быть «новые отношения», если у тебя действующие по накалу страстей похожи на бразильский сериал? Ее парень Кидис — в миру Юрка Петров — похож на рок-звезду, одной улыбкой девушек у своих ног в штабеля укладывает, так ведь Светке этого мало — ее душа, как она выразилась, «требуется свободы и находится в вечном поиске». Не буду это комментировать, потому как высказывание сие находится за пределами здравого смысла...

А Светка все продолжала ныть:

— Ну Лик! Ты должна увидеть это чудо...

Господи, моя жизнь и так полна чудес и неожиданностей!

Но Светка — манипулятор и тонкий знаток моей натуры — в какой-то момент меня все же выбесила, и я согласилась сходить с ней к этому чертову Нарку, Дарку, или как его там еще.

Весь остаток дня, в надежде сразить нового... «зазноба» наповал, Светка наносила на лицо макияж роковой расцветки, так что перед выходом из дома стала похожа на Дэвида Боуи времен Aladdin Sane, но я об этом злорадно умолчала. Стараться так ради парня — это все выше моего понимания.

И надо же было такому случиться — теперь Светка здесь, а «зазноба» нет. Она расстроена и громче всех выдает за стенкой фальшивое визгливое пение в припеве песни, слов которой не знает.

А я, не обращая внимания на звуки пьяной тусовки, долетающие из недр квартиры, в одиночестве любуюсь истекающей медом природой. Сейчас, пока никто не видит, я даю душе волю, и она звенит от предчувствий чего-то несбыточного, но близкого и волшебного.

Надо мной густое темно-синее небо, шуршащие кроны деревьев и ночь.

Поднимаю руку, растопыриваю пальцы, и на фоне неба она кажется черной, словно рука африканской богини. Но в ней, бурля и шипя, течет кровь сотен бледных рыжих предков — мнительных кисейных прабабок и суровых бабушек, мечтательных прадедов и бравых доблестных дедов, бедной моей мамы и отца-придурка.

Кровь... Это она толкала предков друг к другу, смешивалась и вливалась в новые вены, чтобы жить вечно...

С грохотом открывается балконная дверь, я внутренне съеживаюсь: за время пребывания здесь мне пришлось отшить уже троих не совсем трезвых кавалеров. На их счастье, я сдержала свою бунтующую личность и не закатила скандал.

Но, к великому облегчению, на сей раз на балконе появляется Светка, с горя почти совсем не стоящая на ногах.

— Лик, угости сигареткой. — Светка плюхается рядом со мной на свернутый в рулон пыльный половик. — Ты почему тут? Внутри офигенно весело!.. А моего лапочки нет сегодня, но это даже хорошо! Я про него такое узнала!.. Ты упадешь!

— Свет, а давай потом?! — поспешно перебиваю я. Чует сердце, что рассказ этот затянется минимум на час.

— Ладно. — Светка обижается, но мне плевать. — Пойдем внутрь, там пришли прикольные ребята, принесли виски. Много виски!

Все равно ведь не отвяжется. Встаю и плетусь за ней в шумную духоту квартиры.

Глава 3

Под знойными лучами полуденного солнца раскинулись широкие кроны деревьев, в их зелени лениво чирикают птицы, на фоне пасторального пейзажа тихо льются баварские напевы, а где-то совсем рядом громко и раскатисто хрюкает боров. Звуки нарастают и становятся чересчур навязчивыми, картина подергивается тревожной дымкой и исчезает.

Боров резко превращается в спящую в отрубоне Светку, едва я разлепляю глаза. В них будто насыпали песка.

В моем иссохшем рту тоже Сахара.

Квартира погружена во мрак, храп и зловонные пары перегара, откуда-то доносится бренчание гитары и чье-то тихое подвывание.

Сажусь и обнаруживаю себя на полу, среди спящих вповалку тел. Внутри отяжелевшего черепа с тяжелым грохотом катается пудовая гиля.

Боже...

Очень хочется пить. А барда этого шизанутого — прибить с особой жестокостью.

Встаю на четвереньки, а потом, путаясь в собственных гадах, — и на ноги. Выставив вперед руки, иду искать среди темных закоулков кухню, и да поможет Бог тому, кто посмел меня разбудить.

После очередного изгиба адского коридора ко мне внезапно возвращаются зрение и слух: из прямоугольника кухонного проема бьет яркий свет и раздается обрывок песни: «...Загорятся крылья на ветру, повторяются сказки наяву. Живые ливни брызнут нам в глаза, земные боги выйдут нам навстречу...»*

Я разражаюсь хриплой бранью:

— Менестрель недоделанный, ты на часы смотрел?!

Хватаю дрожащей рукой грязный стакан, с шипением наполняю его водой из-под крана и на смерть присасываюсь к живительной влаге.

— Счастливые часов не наблюдают! Слышала о таком, неудачница? — огрызается в ответ какой-то мелкий засранец.

Ох, вот это он зря. Я — кто угодно, но только не неудачница! От этой жизни я возьму все, выйду любую дверь, если будет нужно. И любому глотку перегрызу!

— Радуйся, что сейчас ночь и все спят, а то я б тебе за такие слова шею свернула! — гавкаю я, грохая стаканом о буфет.

— Дура! — невозмутимо отзывается он.

— Дебил!

— Ты сейчас договоришься!

— И что ты мне сделаешь, недомерок?!!

Мелкий засранец резко отставляет гитару, вскакивает с табуретки так, что та с грохотом падает, и в два шага подлетает ко мне. Я вжимаю голову в плечи: кажется, я и в правду договорилась...

А что главное в самообороне? Как говаривал дядя Вася: «Главное в самообороне — долго не раздумывать». За эту науку я ему благодарна — применила на нем же.

Вот и сейчас, не раздумывая, я делаю первое, что пришло мне в голову — вытягиваю грабли и смыкаю их на шее мелкого засранца. От удивления его глаза лезут из орбит, а потом то же самое происходит и со мной, потому что и мелкий рывком хватает меня за горло.

На самом деле мы с ним примерно одного роста, и вижу я его впервые. Вполне симпатичный, темненький такой... Только мутный: глаза странные. Жуткие, будто на мокром месте, прозрачно-серые, ледяные. Но красивые настолько, что кровь бешено разгоняется в венах.

Но он же, мать его, прямо в этот самый момент меня душит!

Он тоже разглядывает меня, но не ослабляет хватку, тогда и я усиливаю захват. Костяшки пальцев белеют.

Мне уже тошно, перед глазами расцветают разноцветные пятна, лицо напротив тоже становится багровым.

— Отпусти... — сиплю я.

— Ты первая, — хрипит он.

Ну уж нет. Проходит еще несколько мучительных идиотских секунд.

— Ладно. На счет три, — шипит он.

Я киваю, мы одновременно отцепляемся друг от друга и падаем в разные стороны.

Сидим на старых некрашенных досках деревянного пола, пытаемся отдышаться.

— Ты совсем без башки, — констатирует мелкий.

— Ты тоже! — не унимаюсь я, готовая к новому раунду противостояния, но мелкий засранец только улыбается.

— Сид. — Он протягивает мне руку.

— Лика. — Нехотя, но примирительно пожимаю ее я. — Не скажу, что уж очень приятно, ну да ладно.

— Ага, и мне не особо. — Он подползает и садится напротив.

Только сейчас до меня доходит: у него лицо типичного сахарного красавчика: высокомерные брови, вздернутый нос, веснушки на переносице, но скулы и подбородок резко очерчены. Я всю сознательную жизнь боялась парней с такой внешностью, ведь она дает ее обладателям неограниченные права и пожизненный карт-бланш на удачу. Примерно таким в молодости и мой папаша был. Мама рассказывала.

Но гармонию на лице этого экземпляра напрочь разламывает странный изъяс: его глаза. Они приковывают внимание, заставляют смотреть в них помимо воли, меняют цвет с прозрачного на невозможный, утягивают мысли в хаос, вгоняют в дрожь, оставаясь при этом бездонными и чистыми.

Я хватаю ртом воздух.

Мелкий отводит взгляд и тянется к карману.

Неловко. Очень приятно: я — Лика, мастер неловких ситуаций. Он это заметил? Тогда мне все же придется его убить. Или для начала побить.

Он долго шарит в карманах, постукивает по ним, извлекает на свет божий сигареты, прикуривает одну и протягивает мне:

— Держи. Трубка мира. Раскурим, и ты больше не будешь на меня нападать.

Он выжидательно и хитро на меня смотрит. В голову приходит странная, будто чужая, мысль, что примерно так бы выглядел ангел, упавший с неба прямиком в наш совковый загибающийся городишко. Разве на такого у меня поднялась бы рука?..

Трясу головой.

— Черт с тобой, давай! — Забираю сигарету и затягиваюсь, признавая полное поражение. — Ну, и отчего ты тут херней страдаешь в полтретьего ночи?

— А, это... Пришел поздновато, все уже в отключке, а сердце просит песен, — мечтательно лыбится мелкий, перенимая у меня «трубку мира».

— Ну так валяй, подпою... — Устраиваюсь поудобнее, прислоняюсь спиной к грязному кафелю и далеко вперед вытягиваю ноги. В такие дни, как сегодняшний, жизнь моя летит кувырком, потому что я намеренно позволяю себе ослабить контроль над ситуацией. Сейчас вот попоем немного с этим дурачком, тогда, глядишь, я с ума не сойду и никого завтра не покусая.

Мелкий засранец притягивает за гриф гитару, бренчит вступление и запекает:

— Плюшевый мишутка шел по лесу...**

Я подхватываю слова про отважного и упрямого мишутку, который лез на небо прямо по сосне, грозно рычал и грозил ему прутиком, шел войною прямо на Берлин, смело ломая перед собой каждый мостик...

Мне всегда казалось, что песенка эта про меня, оттого еще удивительнее тот факт, что мелкий выбрал именно ее.

Парнишка весьма стройно поет и при этом сияет, словно сошла на него какая-то особенная благодать. Мне вдруг начинает казаться, что мы с ним одной крови, и это странное единение душ до чертиков пугает.

Покумекав над следующей песней, мелкий вдруг затягивает: «Луч солнца золотого...»***

Вот этой песни в его исполнении я уж точно не выдержу!

— Песня для того, чтобы девочек в кровать заманивать, и только! — отрезаю я, потому что его вид в эту самую секунду меня дико бесит. — Не может мужик на самом деле чувствовать так!

— Во дела... Откуда такая информация? — Мелкий в порыве азарта придвигается еще ближе.

— Оттуда! Все мужики — козлы! Я точно знаю! — Я пытаюсь казаться бывалой, но мелкий только загадочно улыбается.

— Какое избитое клише!..

Я копаюсь и копаюсь в памяти, но ничего остроумного там не находится.

— Тогда возрази мне неизбито... — бубню я.

— В мире есть по крайней мере трое мужчин, которые тебя всегда поддержат: Jack Daniels, John Jameson и Johnnie, мать его, Walker. Я точно знаю. — И он стреляет глазами в сторону колченогого кухонного стола, на котором высятся бутылки с дорогим пойлом, наверняка краденым из большого супермаркета неподалеку. — Напьемся? Расскажешь, что такого у тебя стряслось...

— Даже не думай! Ты мне не друг! И выпивка — тоже! — Я медленно встаю на ноги и плетусь обратно в зловонное тепло валяющихся вповалку тел. Лучше уж туда, чем выносить общество всяких идиотов.

— Не зарекайся! — смеется он мне вслед.

* Песня «Еще немного» Е. Летова

** Песня «Про мишутку» Е. Летова

*** Песня из м/ф «По следам бременских музыкантов» Г. Гладков, Ю. Энтин

Глава 4

Светка валяется в моей кровати, и у нее еще хватает совести просить меня принести ей водички. Чего не сделаешь для этой обормотки? Превозмогая мутное, но стойкое желание забиться в какой-нибудь уголок и тихо умереть, вылезаю из-под одеяла.

Умываю в ванной виноватую опухшую рожу и смотрюсь в зеркало. На шее синяки. То-то она болит... Припоминаю схватку с мелким засранцем, приятненьким таким, но придурочным, и наш странный и спонтанный певческий дуэт. Вчера все пошло не по плану, а теперь у меня чувство, будто по душе наждачкой прошлись. Это Света — существо тупое, но доброе, всех выпускает в свой ближний круг, а мне такого счастья позарез не нужно.

У меня трясется ливер, выбросить бы к чертям вчерашний вечер в мусорку и забыть.

— На, подавись! — Возвратившись в комнату, сую Светке под нос стакан с холодной водой.

Та хрипит:

— Мерси... — И осушает его в секунду. — Ох, как голова трещит... Это я еще легла рано, а какие-то идиоты на кухне всю ночь глотки драли...

Я осторожно сажусь на край матраса и поднимаю на кровать ноги в пижамных штанах с желтыми уточками:

— Вот уж точно — идиоты... Ну, рассказывай, на кой ляд я тебе вчера понадобилась? Когда это ты у меня совета насчет мужиков просила?

— Там дело такое... В тусовке появился новый парень, к компашке Кидиса примкнул. Когда я вижу его, у меня крыша съезжает, я готова сожрать его целиком... Но вчера я узнала кое-что, отчего теперь и самой смешно. — Светка мнет кулаком подушку. — Ему только шестнадцать, представляешь?!

Ну все, Светке пора завязывать с тусовками. Даже от нее я такого не ожидала!

— Ты что, мозги пропила? На фига тебе малолетка? У тебя же есть Кидис — шикарный парень, красавчик и мечта любой девчонки!

— Кидис? Нет. Мы паузу взяли. Не могу с ним больше мутить. Боюсь, мы вообще не созданы друг для друга.

От злости у меня дергается глаз.

— Все, не продолжай. Помолчи. — Ложусь рядом и задницей откидываю Светку к стене.

— Просто дай спокойно умереть!

Глава 5

Из-за Светки целый день жизни прошел впустую. Мы спим до самого вечера, а потом она долго собирается отчалить, но все никак не соберется и каждую минуту норовит снова присесть мне на уши.

Распрощаться с ней получается лишь под вечер.

Застегнув в прихожей косуху, она долго роется в кармане и достает из него кусочек красочного картона:

— «Король и Шут» в субботу приезжает, ты ведь в курсе. Кидис тоже идет, а я не хочу его видеть. Но не пропадать же билету. Так что держи. Развеешься.

Я хотела попасть на этот концерт, даже была немало расстроена из-за того, что вовремя не купила билеты. Но теперь на душе как-то мутно. Одной на рок-концерт идти — это, как по мне, извращение.

Мама опять познакомилась с мужчиной. Говорит, что вдовец. Серьезный, галантный... Вот оно, чудо всепрощения и несусветной глупости. Как же после стольких предательств можно оставаться настолько наивной? Меня одолевает желание с разбегу впечататься головой в стену.

От маминых восторженных рассказов я на весь день прячусь в своей комнате, выхожу оттуда только по крайней необходимости, но даже во время коротких вылазок стараюсь не смотреть в мамину сторону.

На крыши домов плавно опустился дымный промозглый почти осенний вечер, а мы с ней через стенку друг от друга наводим марафет для выхода в свет. Мама собирается на свидание, а я — в ДК. Она накручивает себе озорные букли, а я обвожу глаза черным карандашом.

Мама не выдерживает первой и врывается в мою комнату под предлогом, что нуждается в совете:

— Ликусь, какие лучше? У этих каблук неустойчивый, но они красивые, а эти удобные, но слишком повседневные... — На ней парадно-выходное платье с пайетками, и меня разбивает приступ изжоги. — А ты в чем пойдешь?

Я только отмахиваюсь: рок-концерт же. Тут без вариантов: балахон, косуха и гады. Не видит, что ли?

— Ликусь, но нельзя же так. Так на тебя мальчики никогда внимания не обратят! — пускается в причитания мама.

— Мальчики — это по твоей части! Чем больше, тем лучше! — Я специально нарываюсь, потому что ее сияющий вид меня бесит. Это сейчас она сияет, а потом будет ходить с опухшими глазами и носовые платки изводить. Дай бог, чтобы мне больше не пришлось ломать швабры о чьи-то лысины. — Сказать, как тебя соседки называют?!

— Ты... тварь неблагодарная! — ахает мама.

Это я-то неблагодарная?

Я смотрю на нее, а глаза жгут слезы. Вот она стоит напротив, разодетая и радостная по причине какого-то мимолетного мужика, а я — та, которая всю жизнь землю рогом роет, чтобы быть лучше всех и хоть этим облегчить ее жизнь, заслужила только право называться неблагодарной тварью?

Не хватало еще, чтобы она увидела, как я плачу. Пролетаю мимо, выбегаю за дверь и грохаю тяжелыми гадами по гулким подъездным ступенькам навстречу ледяному ветру и мелкому дождю.

Глава 6

Пока ехала в троллейбусе, чуть не учинила драку с дурной теткой, которая на весь салон распиналась о моем неподобающем внешнем виде. Мое замечание, что чудесный нежно-фиолетовый цвет ее волос гораздо более экстравагантен, чем моя косуха, отчего-то побудило ее пойти в рукопашную. Тут мне снова помогли уроки самообороны от дяди Васи, и я вовремя успела поставить блок.

В ларьке за остановкой зацепила бутылку пива, у ДК завернула за какой-то гараж, приготовилась к разгону — а пиво и не открывается вовсе. Кручу-кручу, а пробка заточена только под открывалку. Вот засада. Еще одна.

Вокруг ДК обретаются орды разномастных панков, милиция. Но пока стражи порядка снисходительны к неформалам и в дежурный автобус запикивают только самых шумных и крикливых. На ступенях толпа уже «Лесника» орет, перед концертом распевается, а я тут с пивом своим все гоношу.

— Мэм, вам помочь? — раздается за спиной насмешливый голос, оборачиваюсь, и в тусклом свете промозглого вечера передо мной предстает паренек в косухе и поцощанных гриндерах. И есть что-то неуловимо знакомое в его облике, а вот откуда — припомнить не могу. Улыбочка такая приятная, только глаза какие-то отмороженные, мутные...

— О! Психо-о-ованная! Привет! — искренне радуется он, и ко мне возвращается память — передо мной ведь не кто иной, как мелкий засранец, придурок и маньяк.

— Справлюсь! — огрызаюсь я.

— Не-а, не справишься! — лыбится он. — Давай!

Мелкий забирает у меня бутылку, прислоняет ее к краю высокого бордюра и бьет ладонью по пробке — та отскакивает.

— Ну, спасибо! — сухо благодарю и забираю назад свое пойло.

— Ну, пожалуйста. — Расшаркивается мелкий засранец. — Смотрю, ты все же подружилась с алкоголем? Я же говорил: не зарекайся!

Он подмигивает и смывается к орущим собратьям, а Земля еще пару секунд отчего-то продолжает вращаться с бешеной скоростью.

Я огромными глотками пью пиво. Хорошо! Нет, ну серьезно. И не нужен мне никто. Совсем.

Глава 7

Я стою под сценой, вцепившись в железный поручень ограждения, а вокруг беснуется толпа. Сейчас один из тех уникальных случаев, когда я благодарна папаше. За свой рост.

Собравшиеся срывают голоса, вызывая музыкантов на сцену, свистят и визжат.

Много лет спустя, в твоё время, группы, название которой мы тут иступленно выкрикиваем, уже нет, а один из её участников ушел в небытие, став легендой. Но сейчас, в моё время, они в двух метрах от меня выходят на сцену — в полном составе, молодые и красивые.

Начинается веселый угар.

И мне уже кажется, что я вовсе не одна, что все вокруг — пьяные, юные и счастливые — составляют один живой организм, наполненный единой бешеной энергией, как кровью.

Уши закладывает от басов и ора, глаза слезятся, по спине течет пот. Я — неблагодарная тварь! Я хуже всех — сегодня можно! Я свалила из дома и кайфую! Ю-ху!!!

В момент наивысшего экстаза, когда я, единым голосом со всеми срываю глотку, обещая «прыгнуть со скалы», мой давешний пронырливый знакомый ловко уворачивается от охраны и вылетает на сцену. Он по-дружески обнимает Горшка, и тот улыбается во весь беззубый рот, дает «пять» Князю, разбегается и рыбкой ныряет со сцены в толпу. И толпа носит его на своих волнах до конца песни.

Глава 8

На улице похолодало, воздух звонкий и вливается в разгоряченные легкие, словно ключевая вода. Меня сразу начинает знобить, но не от холода, а от общего ощущения странной тревоги.

Вышедшие из ДК девчонки жмутся к своим парням, парни растерянно переминаются с ноги на ногу, а некоторые уже наматывают на руки цепи и ремни. Взор мой устремляется дальше и распознает у рассаженных здесь голубых елей табун гопников в кепках на затылках. В руках у них куски арматуры, велосипедные цепи и ножи-бабочки. Лица полны тупой решимости.

А милиционеры старательно запихивают в автобус последнего матерящегося панка, залезают следом и уезжают: все, план по задержанию малолетних правонарушителей на сегодня выполнен.

Вокруг слышатся возгласы:

— Слышь, ты!..

— Ты че, попутал?

— Сюда иди!

А потом начинается бойня.

Вон там нефор вбивает гопаря в асфальт гриндерами, а там — два гопника танцуют лезгинку на юном панке, и девчонки истерически визжат.

— Лик, вали отсюда прямо сейчас, поняла? — быстро говорит Кидис, пролетая мимо меня по направлению к «передовой», и, размахивая кулаками, врывается в гущу событий.

По инерции сворачиваю вправо, и ноги несут меня прочь, к спасительной остановке. Но облегчение мое продолжается ровно до тех пор, пока я не замечаю, что три бравых пацанчика в спортивных штанах и классических туфлях устроили засаду и здесь.

— Эй, чикса, куда спешишь? Пстой, пообщайся с нами. — Мне преграждают путь. Хватают за руку. — Ох, какая... Пацаны, а давайте ее всей бригадой! Толян, тащи ее к Лысому на хату.

Кто в такой ситуации не боялся — тот пусть первым бросит в меня камень. Я вот боюсь, боюсь до одури, даже коленки подкашиваются. Где там мой внутренний дядя Вася с его советами?..

Раздаются чьи-то шаги — видно, кто-то из посетителей концерта решил свалить потихому той же дорожкой. Патруль гопников, задержавший меня, тут же окликает и останавливает ушедшего прохожего.

В свет фонаря выходит паренек. Быть того не может! Опять он! Сид. Засранец мелкий. Не знаю, возрадоваться мне или же зареветь белугой и взмолиться перед гопниками отпустить нас просто так, без издевательств. Бить ангелов нельзя, неужели они не видят...

Тем более у мелкого на скуле уже и так темнеет свежая ссадина — видно, тоже успел поучаствовать в заварухе.

— Слышь ты, сюда иди! Борзый, что ли? — надрываются гопари, но мелкий держит руки в карманах косухи, ухмыляется и не двигается с места.

Гопники тут же забывают обо мне и направляются к Сиду: один впереди, двое других — чуть поодаль.

Подваливают к нему и встают почти вплотную, но я не убегая — ноги приросли к асфальту. Стою и смотрю.

И перед глазами в секунду разворачивается сцена: Сид делает резкий выпад вперед, и его кулак молниеносно врывается в нос главного в этой троице. Раздается хруст. Тот прижимает к разбитому фейсу ладони и вопит.

— Эй, ты че? — подпрыгивают к Сиду двое из свиты, но он уворачивается от их растопыренных рук, в два прыжка подскакивает ко мне и хватает за рукав косухи:

— Погнали отсюда!!!

Глава 9

И мы бежим. Бежим долго-долго, я даже местность перестаю узнавать.

Легкие горят, ног не чувствую.

Перемахиваем через какой-то забор, останавливаемся возле огромной кирпичной трубы, где я наконец пытаюсь перевести дух.

Сид снимает с пальцев окровавленный кастет, по его лицу блуждает ледяная улыбка. Мутный тип этот мелкий. Он поднимает на меня прозрачные, будто подсвеченные изнутри глаза:

— Ты почему деру не дала, когда они на меня наехали?

— Убегать — не в моих правилах. Было интересно посмотреть, чем все закончится! — Я бахвалюсь, но от пережитого шока зубы отбивают дробь.

— Ага, — скалится Сид, из ссадины на скуле сочится кровь. — Я, конечно, супергерой, только троих все равно бы не уложил.

— Вообще-то я всегда сама свои проблемы решаю. — Какая бы крутая я ни была, мой рот перекашивает. — Жаль только, что кастеты в карманах не ношу...

— Знаю. Потому и ввязался. Но, Лик, на будущее: если какой-то debil пришел тебя выручать, оставь это ему, а сама убегай.

И до чего же красиво прозвучало мое имя, когда этот мелкий его произнес. Он его запомнил!

Происходит необъяснимое — я начинаю позорно реветь.

Сид не на шутку пугается:

— Эй! — Он гладит меня по голове, осторожно обнимает, а я впадаю в истерику и никак не могу ее уговорить. В последний раз со мной такое случилось в детстве, когда мама утешала и дула на мои разбитые коленки. — Успокойся, Лика. Хочешь, развеселю?.. На самом деле, три недели назад я уже ломал нос этому орлу.

Я размазываю сопли по его косухе, но улыбаюсь:

— Правда?

— Ага. Тоже отстаивал честь дамы, но она не была такой прекрасной...

И тут со мной случается вторая совершенно дурацкая вещь — я заливаюсь жарким румянцем. Хорошо, что уже темно.

Сид садится на железное ограждение палисадника, достает сигареты, закуривает и меня угощает. Болтает без умолку, травит какие-то байки, анекдоты. Вот у кого язык как помело: не заткнешь. Истории его дурацкие, но смешные, я присаживаюсь рядом, хохочу до колик в животе и спохватываюсь только тогда, когда осознаю, что улыбаюсь просто разглядывая тонкие черты его лица.

А времени-то сейчас сколько? Часов нет ни у меня, ни у него. Счастливые.

В ближайших домах погасли почти все окна, людей вокруг нет, только ветер шумит в зеленых кронах городских тополей. Становится ясно, что троллейбусы уже не ходят. Ох, и ворона же я...

— Ко мне пойдем. — Слезает Сид с загородки. — Я недалеко отсюда живу.

— Моя мама с ума сойдет! — мечусь я. Я и сама не заметила, как обида на маму растаяла и сменилась спокойствием и радостью, а грудная клетка наполнилась пресловутыми бабочками. И это — заслуга стоящего рядом мальчика, легкого и невесомого настолько же, насколько приземленной и тяжелой всегда была я.

— Позвонишь ей. Все нормально будет! — убеждает он. — Если нужно, и я с ней поговорю, в чистоте намерений заверю.

Глава 10

Я покорно чешу вслед за Сидом, который передвигается с почти нечеловеческой скоростью. Он просто идет себе, а я уже снова легких не чувствую. Кстати, не такой уж он и мелкий — все же повыше меня будет, а это значит, что у него за метр восемьдесят... Да и плечи широкие, хоть и стройный. И походочка такая расслабленная... Я что, сейчас им любуюсь?.. Приехали...

У края проезжей части пропускаем пару машин и направляемся во дворы. Ночной воздух обволакивает, свет фонарей искажает наши тени, плывущие рядом. Впереди я вижу старый двухэтажный дом с желтыми обшарпанными стенами.

— Вот. Мой дом. — Сид толкает плечом деревянную дверь и пропускает меня в подъезд. — Осторожней. Были случаи: люди тут падали и... в общем, мне теперь их очень не хватает.

— Ты серьезно?! — Я в замешательстве оглядываюсь, но Сид идиотски хихикает и легонько подталкивает в спину.

Наши тени вновь скользят рядом по деревянным скошенным ступеням, по стенам с проплешинами от отвалившейся штукатурки, в которых проглядывает дранка.

Сид открывает ключом старую дверь на втором этаже, вваливается в квартиру, включает свет. Захожу следом в длинную прихожую с высоким потолком и стенами, наполовину выкрашенными синей краской.

— Можешь не разуваться. — Он тянет меня дальше по коридору. — Телефон вон там.

Я набираю домашний номер, но на том конце провода раздаются только длинные занудные гудки. Где же мама?

Ах, безмозглый я человек... Она сейчас у мужика.

Как и я.

Я смущаюсь от своих позорных мыслей. Сид этот, что ли, мужик?

— Хочешь чаю? У меня есть клевый чай, моя бабка сама собирала и сушила какие-то хитрые травы, мяту... — Топчется рядом Сид.

— Валяй. Угощай! — Надо же, у него даже чай какой-то «хитрый».

На кухне, которую освещает старый абажур под потолком, я приземляюсь на стул. Мелкий включает воду — та с шипением наполняет чайник — и ставит его на старую двухконфорочную плиту, потом садится напротив. Вблизи и при свете.

И планета вновь начинает кружиться с огромной скоростью.

Что происходит? Этот парнишка похож на бледного сумасшедшего маньяка, а я почти вижу за его спиной белые крылышки. В его присутствии мне становится легко, хочется улыбаться, и вся моя броня с грохотом падает на пол. Но мне очень нравится быть рядом с кем-то без нее...

— Лик, а ты рыжая, оказывается... — с придыханием говорит он, и мне становится совсем дурно.

К счастью, закипает чайник, Сид вскакивает, ставит на стол пол-литровую банку, откашливается и пожимает плечами:

— Чашек нет. Прости за сервис.

И мы глушим обжигающий ароматный чай прямо из банки.

— Петь будем? — вопрошает он вдруг. — У нас круто это получается!..

— А давай! — с азартом соглашаюсь, потому что его отвязность заразительна. А попеть мне надо, чтобы не свихнуться от мыслей о том, что могло бы сегодня со мной случиться, и о том, какой тупой и бессильной я иногда могу быть.

Сид пулей приносит гитару.

Он садится на пол и бренчит какие-то импровизации, его длинные пальцы порхают по струнам. Кажется, в своем бренчании он даже из реальности выключился.

Знавала я таких. Точнее, никого я не знавала... Но вся мировая художественная литература вопиет, что благоразумным девушкам не стоит связываться с подобными кавалерами.

— Заказывай что-нибудь! Как умею, сбациаю! — Сид устремляет на меня свои жуткие глаза.

— Так... Так-так... — Упираю локти в колени, а ладонями подпираю щеки. — Давай что-нибудь про чай. Твоим хитрым мятным чаем навеяно.

Ну, думаю, в тупик поставила парня, ан нет.

Убедившись, что струны звучат идеально, Сид начинает играть «Pennguoyal tea» группы Nirvana. Люблю Курта, люблю эту песню, люблю тех, кто тоже ее любит, но того, кто так ее играет, я готова боготворить.

Поет Сид тоже до дрожи клево, а когда при этом поднимает взгляд и смотрит на меня, я перестаю дышать. Да что за черт!

И в этот дивный момент соседи стучат по батареям.

— Соседка. Намекает, что мы ей типа мешаем. Она не понимает, что иногда, чтобы не сойти с ума, человеку просто необходимо отпустить себя и проораться. Спорим, она потому и сумасшедшая?

Я тихо офигеваю, но запрещаю мыслям пускаться вскачь. Он просто ляпнул эту фразу, не подумав.

— Что еще? Только чтобы громко, чтобы связки сорвать! — подначивает Сид, его отморозенные глаза сияют азартом. Осознаю, что в такой странной манере он пытается отвлечь меня от дурных мыслей, и от тихого тепла, разлившегося от этого в душе, вдруг развозит. Я зажмуриваюсь, чтобы прийти в себя. Помогает.

— Э, мать, да ты отрубашься. Спать пошли. — Сид отставляет гитару и встает на ноги. Ага. Разбежался. Какой еще спать. С тобой, что ли...

— Я лучше тут посижу, — объявляю я.

— А в чем проблема? — Сид будто бы и на самом деле не вдуляет, в чем проблема, так что мне приходится пояснить.

— Я тебя второй раз в жизни вижу! Мне вообще не надо было к тебе вот так заваливаться и мешать твоим планам...

Лицо Сида на миг становится странным:

— Не поверишь, но я сам не в курсе своих планов. Они от меня не зависят. Но сейчас я здесь и иду спать. — Он встает и отворачивается. — А сидеть на кухне до утра — это верх глупости, так и знай, рыжая.

Обидела парня. А он, между прочим, сегодня был настоящим героем... Знаю, что такие сантименты для меня — настоящая аномалия, но больше не хочу думать об этом.

Вскакиваю и бегу следом.

Сворачиваем во вторую комнату слева по коридору, Сид включает настенный светильник.

В комнате полный разгром — вещи торчат из шкафов, висят на стульях. На столе гора кассет, скомканные фантики. Разложенный старый диван, гитары, плакаты хорошо известных мне групп, приклеенные к обоям синей изолянтной. Бардак даже покруче, чем в моей норе!

— Это что, твоя комната? — Я переступаю с ноги на ногу. Вдруг становится до жути неловко, сердце невнятно подпрыгивает. Я не рассчитывала на такое быстрое развитие. Да, черт, я в ужасе!

Сид, словно уловив мое настроение, поспешно говорит:

— Да я в джинсах буду спать. Ты в безопасности, честно.

Со смешанным чувством облегчения и паники сажусь на диван, и он разражается визгом старых пружин. Веселая ночь мне предстоит.

Сид ложится рядом, и чтобы на него не скатиться, мне приходится напрячься.

— Спокойной ночи. — Он отворачивается и тянется к выключателю светильника.

Глава 11

Комната погружена во тьму. Прислушиваюсь к звукам внезапно начавшегося дождя и ровному дыханию рядом. Без одеяла одолевает озноб, и я покрепче прижимаюсь спиной к горячей и подозрительно родной спине Сиды.

Какой же странной бывает жизнь. Еще вечером я наносила на лицо отпугивающий мужиков боевой раскрас и подумать не могла, что ночью буду лежать под боком самого (что ж, пора уже это признать) красивого создания, которое мне когда-либо доводилось видеть, и умирать от запаха дождя, сигарет и еще чего-то незнакомого и завораживающего.

Сид глубоко вздыхает во сне, поворачивается ко мне и сгребает в объятия. Несколько мгновений я не могу сладить с поехавшей крышей, потом расслабляюсь и в теплом уютном блаженстве проваливаюсь в сумбурный красивый сон.

Разлепив глаза, не сразу понимаю, где нахожусь — я одна в чужой комнате. Мне предстоит выйти из нее и как ни в чем не бывало начать общаться с Сидом, с которым этой ночью пережила пока что самый интимный момент в жизни.

Честно — мне проще было бы пройтись по улице голой, чем признать, что я всю жизнь возводила глухой забор, а какой-то странный парнишка прошел сквозь него без всяких усилий. Он его вообще не заметил!

В комнате Сиды нет часов, и мне не удастся даже примерно определить, сколько сейчас времени. Делу не помогает и то, что над крышами соседних домов за окном плотно нависли серые тучи.

Присаживаюсь на край выдавшего виды дивана, натягиваю ботинки.

Взгляд непроизвольно останавливается на книгах со смутно знакомым оформлением, горой сваленных под столом, в тусклом утреннем свете я различаю надписи: «История России» для учеников 10 класса. «Биология», 10 класс.

Да ла-а-адно... Да быть не может. Увы мне, увы...

Я поднимаю рюкзак и на негнувшихся ногах выхожу в коридор.

На цыпочках прохожу мимо кухни, мелкий сидит на табуретке, облокотившись на подоконник, и смотрит в окно. Перед ним — банка с чаем, в руке дымится сигарета.

В секунду он оборачивается в мою сторону, отстраненность на его лице тут же сменяется недоумением, а потом широченной улыбкой:

— Привет, ты чего так рано?

— Доброе утро. Не хочется злоупотреблять твоим гостеприимством. Пора валить домой.

Сид усмехается:

— Да о чем ты... Будь как дома. Могу сварганить пельмени.

— Спасибо, не до пельменей сейчас. Пойду каяться перед матерью.

— Транспорт пойдет только через полчаса.

Была не была. Покорно сажусь на стул.

Мне не хочется отсюда уходить. Мне нравятся эти глаза, глаза такого же оттенка, что и мокрое небо в окне.

Снова не хватает воздуха.

Я в панике хватаю банку, чтобы сделать глоток чая. Бляха-муха...

— Лик, ты чего? — Подается вперед Сид.

— Сид, сколько тебе лет? — хочу спросить непринужденно, но голос предательски срыгается.

— Шестнадцать, — ровно отвечает он.

Ох, вот оно, вот оно. Все возвращается бумерангом. Как я над Светкой потешалась? То-то же. А сама, вся такая разумная, чуть не встряла непонятно во что.

— Пойду я, — мрачно бубню. Ну что за жизнь. Да пошла она!..

Сид провожает меня до двери, недоумевает. А я наглухо застегиваюсь и быстро ухожу.

Глава 12

Дома пулей пролетаю в комнату, облачаюсь в милую теплую пижаму, заползаю под одеяло с мишками и закрываю глаза. А сон не идет. И в груди снова разливается что-то незнакомое, незаконное, теплое и радостное. Это чувство, что я теперь не одна.

Скрипит входная дверь, мама, гремя ключами, на цыпочках проходит в гостиную и тихо снимает плащ. Отчаянно надеюсь, что у нее все будет хорошо и этот новый кавалер не окажется садистом или алкашом, потому что я размякла так, что рука со шваброй у меня больше в жизни ни на кого не поднимется.

Когда мама бесшумно заглядывает в мою комнату, я изображаю храп. И через секунду действительно улетаю в царство Морфея.

Мама сегодня устроила выходной. Весь день вертится на кухне, печет что-то, напевает под нос песенки, а заведя меня, извиняется за свои вчерашние слова.

— Проехали, — киваю. — И ты меня прости...

Глаза у нее горят, на лице улыбка. Досадно, но вчера вечером я выглядела примерно так же. От омерзения к себе в горле тут же застревает блин.

— Как свидание прошло? — мычу я.

Невинный вопрос, а влечет за собой лавину маминых восторгов: «Костя — то, Костя — се...»

Но я сегодня все равно счастлива. Даже знаю, кто стал тому причиной.

Глава 13

Через пару дней начинаются занятия в универе, явственно подступает осень, и я поддаюсь безотчетной панике. Впору писать завещание, потому что мне кажется, что сейчас я проживаю не последние летние деньки, а последние дни жизни. Хочется куда-то бежать, что-то придумывать, я берусь одновременно за несколько дел, но не довожу до конца ни одного. Да еще и Светка пропала со всех радаров, даже телефон у нее отключили за неуплату.

Не видется со мной неделю — да она идет на рекорд!

В мозгах каша, я сгораю от желания рассказать о Сиде Светке, но поднятая до небес планка гордости ни за что не позволит мне сделать это.

Под предлогом прогуляться и, возможно, пересечься где-нибудь с сеструхой, я подаюсь в Центр. На самом деле я хочу увидеть Сида. Просто увидеть, и все.

Еду в старом гремящем троллейбусе, в миллионный раз разглядывая свой родной унылый Задрищенск — загнивающий, замшелый постсоветский отстой. Беспросвет. Когда-нибудь я улечу отсюда. Когда крылья отрастут. Он мал — четыре остановки, и я уже в его центральной части: вытряхиваюсь наружу у Областного почтамта и первым делом спешу к ЦД.

ЦД, он же «Центр Досуга» — дом культуры с серыми стенами, построенный в эпоху Застоя. С тыла ЦД окружен высоким бордюром, деревьями и кустами, в зарослях которых стоит скульптура рабочего в человеческий рост, до смерти пугающая случайных прохожих, наткнувшихся на нее ночью.

Мы с Баунти часто возле него тусовались, возможно, она и сегодня туда притащилась. Без меня. Немыслимо, но она даже о том, как прошел концерт, так и не расспросила.

За ЦД слышится громкий смех, вопли и улюлюканье. А еще — странные глухие удары. Несколько человек сбились в кружок и с азартом взирают на что-то фантастически интересное. С одного взгляда становится очевидно, что Светки здесь нет, но любопытство побеждает, и я подхожу ближе, чтобы тоже подивиться происходящему.

Лучше бы я этого не делала, ибо то, что я вижу, пахнет сумасшествием и повергает в шок.

В центре внимания взъерошенный парень, стоящий ко мне спиной, замахивается и со всей дури лупит рукой по кирпичной стене ЦД. Раздается глухой удар, хруст, взрыв смеха. Я борюсь с дурнотой и застилающими глаза черными мушками, даже хватаюсь за ствол ближайшего дерева, чтобы устоять на ногах. Рука парня ниже локтя болтается безжизненной плетью, он снова замахивается и обрушивает ее на кирпичную кладку. Удар, хруст, взрыв хохота. Но самое жуткое в происходящем то, что сам он хохочет громче и веселее всех остальных.

— Во debil... — стонет возле меня один из присутствующих.

— Что здесь творится? — спрашиваю и зажмуриваюсь: удар, хруст, хохот...

— Не видишь? Этот debil на спор обдолбался и резвится, — смеется собеседник, подхватывая всеобщий вопль восторга.

Сумасшедший парень оборачивается к публике и скалится. Святые угодники, это же Сид! Его и без того дурные глаза из-за расширенных зрачков кажутся дикими, челюсти гуляют, а из носа на черный балахон течет кровь. Он ходит кругами, вновь подходит к стене и заносит руку для следующего удара.

Ноги сами срываются с места.

— Эй, Сид. — Я перепрыгиваю бордюр и хватаю его распухшую покалеченную руку. — Прекрати, пожалуйста!

Он улыбается, здоровой рукой обвивает мою талию и бесцеремонно подтаскивает к себе:

— Эй, рыжая, привет, рыжая, как жизнь, смотри, как прикольно, я ее не чувствую, прикольно, знаешь, совершенное оружие, ты бьешь, а тебе — ничего, так странно, — тараторит он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.